

Фан Вэньли посмотрел на сваху, и холод в его глазах был почти осязаемым. Однако это длилось лишь мгновение: стоило ему переступить порог с подарками в руках, как лицо преобразилось, приняв выражение кроткой и безупречной учтивости.

— Дядя Фан, — приветствовал он хозяина дома.

Не только галдящая толпа во дворе, но и сами домочадцы Тао на миг лишились дара речи.

Так вот он какой, Фан Вэньли?

Поистине, человек выдающихся достоинств! Одной только внешности было достаточно, чтобы признать: лучшей пары для их гэера не сыскать. К тому же он держался с таким почтением — вовсе не казался холодным, как описывала тётушка Мэн.

Ян Цюэ и Сун Хуань уже готовы были с радостными улыбками броситься навстречу гостю, но, сделав пару шагов, вовремя спохватились и украдкой взглянули на Цинъюя, проверяя его реакцию.

Тот не заставил себя ждать:

— Младший папочка, это... Фан Вэньли.

Фан У поспешно вытер руки о фартук, чувствуя себя крайне неловко. Кто бы мог подумать, что сын и впрямь приведёт его в дом! Еще вчера юноша отделялся невнятным бормотанием, а сегодня проявил такую решительность.

Раз уж Цинъюй признал этого человека, папочка не мог не принять подарки.

— Ох! Проходите скорее в дом, присаживайтесь.

Хозяин Сяо Юй уже взял у него серебро и был намерен исполнить своё обещание. Пусть со свадьбой он не торопился, но гость должен был получить официальное признание перед лицом семьи.

На глазах у изумленных свех Цинъюй по очереди представил Фан Вэньли всех родных, и тот почтительно приветствовал каждого. Когда очередь дошла до госпожи Мэн, учитель произнес без тени сомнения:

— Шинян.

— Ах ты, негодник! — притворно возмутилась та, отворачиваясь. — Решил меня кругом пальца обвести!

Глядя на них, Фан У окончательно понял: Фан Вэньли пришел сегодня без предупреждения, и, зная нрав своего сына, тот вполне мог просто притащить наставника за собой.

— Юй-гээр, поздоровайся с бабушкой Мэн, — мягко велел папочка.

— Бабушка Мэн, — послушно повторил Цинъюй.

Свахи, наблюдая за этой сценой официального знакомства с зятем, наконец осознали, почему им дали от ворот поворот. Оказалось, Тао Цинъюй уже давно и втайне от всех сговорился с этим человеком. В деревне не было слышно ни слуха, ни духа — ну и хитрецы, так крепко держать всё в секрете! Зря только ноги топтали.

Одна из свех, знавшая учителя, попыталась влезть в разговор с приторной улыбкой:

— Надо же, а я-то гадала, кто это! Оказывается, сам учитель Фан!

Фан Вэньли обратил на неё взгляд своих глубоких, как бездна, глаз. Одного этого холодного проблеска хватило, чтобы улыбка на лице женщины завяла, а все заготовленные льстивые слова застряли в горле.

Фан У поспешил выпроводить незваных гостей со двора.

Когда за воротами наконец стихло, в усадьбе Тао воцарилась тишина, нарушаемая лишь далеким кудахтаньем кур на заднем дворе. Поскольку гость был мужчиной, встречать его подобающим образом отправили Тао Синвана. Фан У с остальными завели Цинъюя в комнату.

Начался «допрос с пристрастием», но юноша и не думал пасовать. Напротив, он бессильно опустился на кровать и с самым жалким видом проговорил:

— Младший папочка, мне так плохо...

— Где болит? Что не так? — всполошились все разом.

Строгость как рукой сняло. Ян Цюэ и Сун Хуань подхватили его под руки: один трогал лоб, другой проверял пульс. Фан У, почувствовав резкий запах лекарств, исходящий от его одежды, поначалу решил, что тот просто пропах ими в лечебнице, и не сразу понял, что сын действительно болен.

Цинъюй, позволяя им суетиться вокруг себя, невнятно пробормотал:

— Был у врача, пил снадобье... Голова всё еще кружится.

Сун Хуань легонько шлепнул его по плечу:

— Напугал до смерти! Мог бы и сразу сказать, а не тянуть жилы.

Только дома юноша позволял себе расслабиться и немного капризничать. Ему действительно было не по себе: он привалился к плечу Фан У, пряча лицо, чтобы скрыть гримасу боли.

Папочка погладил его по голове:

— Ладно, ладно. Ответь мне только на одно: тот человек снаружи... ты по своей воле на это идешь?

— Разве меня можно к чему-то принудить против воли? — вопросом на вопрос ответил Цинъюй.

Сун Хуань почувствовала в его тоне некую недосказанность, но тревога за здоровье племянника быстро вытеснила лишние мысли.

— Ты ел?

— Ел.

— Хорошо. Пойду приготовлю отвар.

Ян Цюэ, заметив у двери стайку любопытных детей, прикрикнул на них:

— Старшему брату нездоровится, поиграете с ним завтра!

Он выставил мелюзгу за дверь и плотно её прикрыл. В комнате остались только двое.

Вспомнив, ради чего сын уезжал, Фан У спросил вполголоса:

— Пруд... удалось продать?

— Нет. Я занял серебра, этого хватит на первое время. Так что не волнуйся.

«Не продал...»

В душе папочки шевельнулось облегчение при мысли о будущем, но следом за ним вновь поднялась тревога.

— Я думал сходить к твоим деду с бабкой, вдруг они смогут подсобить...

— Не нужно, денег достаточно. Завтра я планирую первым делом вернуть долги тем, у кого мы занимали раньше.

Собеседник посмотрел на него, и брови его медленно сошлись у переносицы:

— Ты занял деньги в должной лавке?

— Угу.

Фан У мало смыслил в делах ростовщиков, но знал твердо: возвращать всегда приходится в разы больше. Судя по уверенности сына, сумма была немалой. Он поправил выбившуюся прядь волос у виска Цинъюя, подавляя в сердце нарастающее беспокойство.

— Хорошо. Посоветуйся с дедом, раз нужно отдать — отдавай.

Сегодняшнее событие наверняка привлечет лишнее внимание. Деревенские люди любят чесать языки, так что лучше поскорее рассчитаться с долгами, чтобы не давать повода для кривотолков.

— Я всё понимаю.

— Тогда отдыхай, а я пойду посмотрю, как там гость.

Юноша вскочил:

— Я с тобой.

Решив, что сын беспокоится о своем избраннике, Фан У шутливо ущипнул его за щеку и вздохнул:

— Эх, вырос сын, не удержишь в доме...

Цинъюй вздернул подбородок:

— Могу и остаться, если так просишь.

Улыбка мгновенно исчезла с лица папочки, и он притворно рассердился:

— Только попробуй мне!

Юноша, смеясь, подтолкнул его к выходу:

— Ладно-ладно, не останусь.

Когда они вышли в главную залу, Фан Вэньли поднялся им навстречу. Заметив Цинъюя, он едва заметно улыбнулся и тут же начал прощаться.

— Куда же вы? Оставайтесь на обед, — предложил Тао-третий.

Госпожа Мэн поправила подол платья и тоже улыбнулась:

— Мы и так засиделись. Если не вернусь сейчас, мой старик с ума сойдет от беспокойства.

— Обед оставим на другой раз, — мягко добавил учитель Фан. — У вас и так хлопот хватает. Не утруждайтесь проводами.

Тем не менее вся семья Тао вышла за ворота. Проводив взглядом две повозки, они вернулись в дом.

— А вкус у парня отменный, — вскользь заметил Тао Синлун, заложив руки за спину.

Тао Юлян бросил взгляд в сторону комнаты старшего сына, и сердце его наполнилось горечью. Каждый в доме думал об одном и том же: если бы это случилось раньше, Тао Синъюн еще мог бы увидеть свадьбу своего сына.

Как только гости уехали, дети снова окружили Цинъюя. Тот заглянул к отцу: крепкий когда-то мужчина на глазах усыхал, голова его была плотно забинтована, и казалось, он просто крепко спит.

— Отец, я вернулся, — негромко проговорил Цинъюй. — Пруд наш при мне, и в следующем году я планирую развести ещё больше рыбы. Без твоей помощи придется несладко, буду пропадать там с рассвета до заката... так что не вздумай меня жалеть.

Он сидел у постели, опершись локтями о край, и говорил, говорил без остановки, словно Далан всё еще мог его слышать. Дети пристроились рядом, подпевая: «Дядя, дядя!», и наперебой

рассказывали, как там куры, сколько ест свинья и как муравьи строят свой дом.

Фан У замер у дверей. Он хотел было спросить, как распределить лекарства, но, услышав голос сына, замолчал.

В комнате Циньюй говорил, пока во рту совсем не пересохло. Посмотрев на притихших детей, он спросил:

— Вы чего сегодня не у дяди Сяо Цзиня?

— Дядя сказал, что скоро праздник, и велел тренироваться дома, — ответил Циньцзя.

Циньюй ласково взъерошил волосы мальчика, но когда попытался встать, перед глазами всё поплыло. Папочка мгновенно оказался рядом и подхватил его.

— Да что ж ты за бедовая голова! Вставай медленнее!

Юноша взглянул на детей, обхвативших его за пояс, а затем указал на мешки в углу:

— Младший папочка, откуда в доме рис?

— Откуда-откуда... Тётушка Мэн привезла.

— Зачем же вы приняли...

— А я почему знал! — в сердцах бросил Фан У. — Видать, ты им очень дорог, иначе кто станет везти такие горы добра просто так? Запомни: если выйдешь за него, будь к нему терпелив, понятно?

Циньюй облизнул сухие, потрескавшиеся губы и, не обращая внимания на боль, усмехнулся:

— Младший папочка, ну и мечты у тебя...

Тот легонько щелкнул его по лбу:

— Не дерзи отцу! Иди давай, не шуми здесь, не тревожь Далана.

— Пусть шумит, — возразил юноша. — Ты тоже с ним побольше разговаривай. Доктор Чжоу говорил: бывает так, что человек не может пошевелиться, но всё слышит. Кто знает, может, однажды он услышит нас и очнется.

Улыбка сошла с лица Фан У, и его рука, державшая плечо сына, невольно сжалась.

— Это правда?

— Правда.

В своей прошлой жизни Цинъюй не раз слышал о подобных случаях — надежда умирает последней. Ему нужно было дать папочке хоть какую-то опору, иначе впереди были слишком долгие и тяжкие дни.

Фан У медленно отпустил его руку. Его взгляд, до того блуждавший, словно осенний лист на ветру, наконец обрел твердость.

— Хорошо. Буду говорить с ним чаще.

Дети, всё еще прижимавшиеся к брату, обернулись к постели дяди. Значит, они тоже будут приходить сюда каждый день!

***

Как и следовало ожидать, весть о событиях в доме Тао мгновенно облетела всю деревню.

На следующее утро.

Цинь Чжу наскоро позавтракал и, ускользнув от бдительного взора деда, со всех ног помчался к другу.

— Дядя Фан, а Сяо Юй дома?!

Фан У посмотрел на влетевшего во двор гээра — тот напоминал встревоженного кролика, милого и запыхавшегося.

— Дома он, заходи, Чжу-гээр.

Маленький Сяо Хуан выскочил из кухни и, узнав старого друга, радостно завилял куцым хвостом. Цинь Чжу подхватил щенка на руки, на бегу поприветствовал старших и ворвался в комнату Цинъюя.

— Сяо Юй! Сяо Юй, ты где?!

Хозяин Сяо Юй, как раз менявший воду в деревянных лотках, отозвался со двора:

— Я здесь!

Чжу спустил щенка на землю и кинулся к другу. Цинъюй выставил ладони вперед:

— Стой-стой! Не подходи, я весь в грязи.

— Сяо Юй... — капризно протянул тот.

Юноша со вздохом посмотрел на друга, который всё равно умудрился на нем повиснуть, и легонько щелкнул его по лбу костяшкой пальца:

— Что стряслось?

— Сяо Юй, это правда, что ты выходишь замуж?

— Кто тебе такое наплел? — Цинъюй попытался отстраниться, но руки его были мокрыми после работы.

— Вся деревня гудит! И я сам видел, как учитель Фан к тебе заходил, — Цинь Чжу наконец отпустил его и надул губы. — Сяо Юй, почему ты так похудел?

— Ничего, отъемся.

Друг с интересом наблюдал, как юноша вылавливает золотых рыбок из большого чана.

— Ух ты, какие красавицы!

Золотых рыбок нельзя надолго оставлять в тесноте: в маленьких тазах им быстро перестает хватать воздуха. Цинъюй пересаживал их обратно в просторные емкости, попутно отбирая самых лучших. Его пальцы скользили по мелкой чешуе, чувствуя живое биение жизни.

— Как думаешь, если их выставить на продажу, дадут за них хорошую цену?

— Ты хочешь их продать?! Ты же растил их больше десяти лет!

— Не бойся, всех не продам. Но всё же — купят ли их?

Цинь Чжу коснулся пальцем воды. Рыбки не боялись и подплывали поближе, надеясь на корм.

— Не знаю... У богатых людей в домах всегда есть те, кто специально разводит рыбу, вряд ли им нужны пара штук со стороны.

Действительно, хорошая золотая рыбка — это редкая удача, здесь важна каждая деталь. Хозяин Сяо Юй еще в прошлой жизни увлекался этим делом, а в этой, став торговцем рыбой, просто не смог оставить старое хобби. За годы селекции он сумел вывести лишь несколько экземпляров, за которые ему не было бы стыдно.

Мысль о продаже мелькнула в голове случайно. Он никогда не видел золотых рыбок в уезде Миншуй и не знал, что предлагают другие. Как и сказал Чжу, у знати наверняка есть свои источники. Азарт в душе Цинъюя мгновенно угас.

— Ладно, пусть пока плавают.

Закончив с рыбами, Цинъюй подхватил корзину и направился к выходу. Цинь Чжу поплелся следом, прихватив с собой Сяо Хуана.

Дойдя до огорода за домом, юноша внезапно остановился и бросил корзину на землю.

— Ну, выкладывай. Что ты от меня скрываешь?

— И как только он успевает так быстро менять лицо... — пробурчал Чжу себе под нос.

Гээр начал вертеть в руках щенка, избегая взгляда друга, и вся его виноватая натура была видна как на ладони.

Цинъюй взял Сяо Хуана за шкурку и пересадил к себе на сгиб локтя:

— Так и будешь молчать?

Чжу надул щеки и принялся рассматривать траву под ногами.

— Ой, да о чем тут говорить...

Цинъюй ткнул его пальцем в лоб:

— Твоя свадьба — это, по-твоему, пустяк? С чего вдруг семья Чжоу так торопится? Кто ж назначает день свадьбы на шестое число первого месяца, когда и сговора-то толком еще не было?

Сам юноша на такие условности плевал, но понимал: в это время такая спешка — дурной знак. Это означало, что к гээру относятся без должного уважения. Чжу был его лучшим другом, и он не мог не тревожиться за него.

Сяо Хуан, прикорнувший на плече Цинъюя, испуганно прижал уши от его гневного голоса. Юноша накрыл голову щенка ладонью и присел, принимаясь срезать капусту. Белые кочаны с хрустом отделялись от корней под его ножом.

Видя, что друг не на шутку рассержен, Чжу шмыгнул носом, и глаза его мгновенно покраснели. Он присел рядом, спрятав лицо в коленях, и всхлипнул:

— А кто тебе сказал, что это семья Чжоу так решила?

— Неужели... — Цинъюй осекся, и зубы его невольно сжались.

Ну конечно. У Цинь Чжу ведь был такой дед.

Едва он это понял, как гээр, захлебываясь слезами, проговорил:

— Чжоу прислали список дат на выбор, а дед... дед сам вписал ту, которой там не было! Ему наплевать на приличия, а мне-то каково? Сами Чжоу говорили, что лучше подождать, но он... у-у-у...

Бедняга зарыдал в голос от обиды. Цинъюй и не подозревал, что задел его за живое. Понятно теперь, почему Чжу не хотел об этом упоминать. Юноша вернул ему щенка и увидел, что тот использует бедного пса вместо платка — вся шерсть на спине Сяо Хуана слиплась от слез.

Юноша ласково погладил друга по голове. Эх, в каждом доме свои горести...

— Послушай, — мягко сказал он. — Главное, что Чжоу Линьи о тебе заботится. Его семья — люди добрые, и он тебе нравится. Уверен, ты не будешь там страдать. Перестань плакать, ладно?

— Я... я не плачу, — Чжу в последний раз вытер лицо о спину Сяо Хуана и поднял голову.

Цинъюй аккуратно убрал с его лица прилипшую шерсть и с напускным отвращением проворчал:

— Хоть Сяо Хуана и моют, но это уже слишком. Самому-то не противно?

— Сяо Хуан чистый, — шмыгнул носом гээр.

«Ну вот, — подумал Цинъюй, — утешить его проще простого. С таким легким нравом он точно проживет до ста лет».

— Ладно-ладно, чистый он. — Убедившись, что друг успокоился, Цинъюй вернулся к капусте.

— Зачем ты столько режешь? Она ведь не сгниет на грядке, а столько нам не съесть, — заметил Чжу, чей красный нос делал его еще больше похожим на кролика.

— Это не нам. Людям раздам.

— И мне дашь?

Цинъюй уложил кочаны в корзину и кивнул:

— Хочешь — бери.

— Хи-хи, Сяо Юй, ты такой добрый!

— Тебя хлебом не корми, дай похвалить за каждую мелочь.

Юноша легко подхватил тяжелую корзину одной рукой. Посмотрев на гээра, который был на полголовы ниже его, он спросил:

— Мне нужно разнести долги. Ты домой пойдешь или у нас побудешь?

— Домой... Дед в последние дни с меня глаз не спускает, — поник Чжу, понуро плетясь следом и подбивая ногой траву.

— Вот разгребу дела, и свожу тебя куда-нибудь развлечься.

Гээр покачал головой:

— Дед сказал, что до самой свадьбы мне из дома — ни ногой.

Цинъюй так сжал ручку корзины, что та едва не хрустнула. Он едва сдержался, чтобы не выругаться вслух. Проклятые старые порядки!

— Сяо Юй, рука устала? Давай помогу! — простодушно предложил Чжу, пытаясь подхватить корзину свободной рукой, пока в другой он всё еще сжимал мокрого щенка.

— Не нужно. Ничего, — вздохнул Цинъюй. — Думаю, Чжоу Линъи найдет способ тебя порадовать.

Чжоу густо покраснев, глупо заулыбался. На это Цинъюй было больно смотреть.

— Иди уже. Мне тоже пора.

— Ага, пока!

Жизнь этого гээра была удивительно простой: если радость — так до небес, если горе — так со слезами в три ручья. Выросший в ласке, он сохранил детскую душу, и в этом было его очарование.

Цинъюй зашел в дом, сменил одежду на чистую и спрятал за пазуху серебро. Предупредив домашних, он вышел за ворота, прихватив корзину.

***

Он шел по деревне, мерно шагая. Семьи Цинь и Тао жили в Баопин бок о бок уже много поколений, но между ними вечно шло скрытое соперничество. То за землю спорили, то за власть. На людях держали лицо, а за глаза друг друга недолюбливали. И чаще всего род Тао оказывался слабее: земли им доставались похуже, леса — подальше. А те, кто победнее, жили и вовсе впроголодь, как его семья.

Цинъюй обходил своих родичей — тех, у кого они занимали деньги. Люди это были небогатые, жили скромно. Он заходил в каждый дом, возвращал серебро и в придачу дарил кочан капусты. Родня расплывалась в улыбках, наперебой расхваливая его за то, какого завидного жениха он себе нашел. Юноша лишь вежливо улыбался в ответ, не считая нужным что-либо объяснять.

Долги таяли быстро, корзина легчала, и кошель за пазухой тоже понемногу худел. Последним в списке значился дом его двоюродного деда. Отдав деньги, Цинъюй уже собирался идти дальше, но заметил во дворе второго деда, Тао Юди, который как раз строгал бамбук.

— Дедушка, — окликнул его юноша.

— А, Юй-гээр! Заходи в дом, посиди с нами, — старик, не отрываясь от дела, махнул ножом. Бамбук с треском расщеплялся под его умелой рукой.

— Спасибо, дедушка, но мне пора, дома дел невпроворот.

Не успел он договорить, как из дома вышла его бабка. Она с сияющей улыбкой открыла калитку и крепко схватила Цинъюя за руку.

— Да куда ж ты торопишься? Выпей хоть чаю!

— Бабушка, говорите прямо, что вам нужно.

После того как их отношения были окончательно испорчены, Циньюй не хотел тратить время на пустую болтовню. Несмотря на родство, он не собирался церемониться.

Госпожа Хуан вела себя так, будто никакой ссоры и не было. Она с притворной нежностью зашебетала:

— Да ничего особенного! Просто слышали мы, что твой суженый в городе учителем служит? Поди, не меньше десяти лянов в месяц зашибает?

Юноша опустил ресницы, и улыбка исчезла с его лица.

— Бабушка, вы шутите. Деньги ведь не из воздуха берутся.

— Ну чего ты, мы же одна семья! — Госпожа Хуан расплылась в морщинистой улыбке, и если бы не алчный блеск в её глазах, она и впрямь сошла бы за любящую родственницу.

Циньюю это надоело. Он твердо проговорил:

— Бабушка, я еще не женат и не знаю, как он там живет. Если дел больше нет, я пойду.

Он легко высвободил руку и зашагал прочь. Бабка кричала ему вдогонку, привставая на цыпочки:

— Юй-гээр! Как заживешь богато, не забудь о дедушке!

Циньюй прибавил шагу.

«В засуху не жди дождя из одного облака, в нужде не надейся на "добрую" родню».

Чтобы жить достойно, нужно полагаться только на себя.

***

Небо было ясным, солнце грело ласково, а листва в лесу блестела, словно умытая. Расплатившись с долгами, Циньюй почувствовал, как с плеч свалилась гора; даже зимний ветер казался теперь теплым и приветливым.

Стоило ему вернуться, как Фан У позвал его помочь с едой для отца. Тао Синъюн мог есть теперь только протертую пищу, чем жиже — тем лучше. Но едва юноша принялся крошить овощи, как со двора донеслись знакомые голоса. Он отложил нож и вышел следом за папочкой.

— Отец! Мама! Как вы здесь оказались? — воскликнул Фан У, глядя на запыленных стариков у ворот. Глаза его мгновенно увлажнились. Позабыв про грязные руки, он бросился встречать родителей.

— Ох ты, горе моё луковое! — Ли Саньнян с ходу влепила сыну звонкий шлепок по спине. Её ладони, привыкшие к тяжелому труду, были жесткими, так что даже легкий удар отозвался болью.

Цинъюй поспешил вмешаться, почтительно приветствуя дедушку и бабушку.

— Сваты приехали! — Из дома вышли старики Тао. Дети гурьбой высыпали следом, прячась за спиной брата.

— Вот, угощайтесь, наши домашние мандарины, — Ли Саньнян миролюбиво протянула корзину и вместе со всеми вошла в дом.

Наблюдавшая за этим через забор Цинь Лихуа презрительно сплюнула:

— Ишь, вырядились! Богачи нашлись — гости у них один за другим! Такими темпами у них скоро и мыши с голоду передохнут, к нам во двор побегут.

Из семьи Фан приехали только Фан Дахун и Ли Саньнян. Люди они были немолодые, а путь от их деревни составлял добрых пятнадцать ли, да еще и по горным тропам. Старики Тао усадили их на почетные места.

В комнате Цинъюя Ли Саньнян снова принялась отчитывать сына:

— Ты мне скажи, Фан У, ты что же — раз замуж вышел, так и о родителях помнить не надо?! В доме беда, а ты хоть бы весточку послал! Если бы люди в деревне не заболтали, мы бы так и сидели в неведении!

Старушка отчаянно жестикулировала, и в её затуманенных глазах заблестели слезы. Юноше было больно видеть её в таком состоянии в столь преклонном возрасте.

— Бабушка, с отцом случилась беда, это правда. Но папочка не говорил вам только потому, что не хотел тревожить.

— Так я еще больше извелась! — Она крепко обняла сына и глухо зарыдала: — Сын мой, за что

тебе такая доля! Далан спит и не просыпается... Как же ты дальше жить-то будешь?!

Цинъюй нахмурился. Его папочка только-только начал приходить в себя, а тут эта сцена...

Фан У, видя состояние сына, из последних сил сдерживал дрожь в губах. Раньше он и сам бы заплакал, но теперь ему нужно было утешать мать. Сердце юноши обливалось кровью.

— Бабушка, — твердо сказал он, — у папочки есть я.

— Да, ты! — Старушка резко выпрямилась и, словно котенка, схватила внука за плечо, усаживая на табурет перед собой. — А теперь выкладывай: что это еще за история с твоим женихом?!

Такой резкой смены темы Цинъюй не ожидал. Он лишь неопределенно пожал плечами:

— Ну... так вышло.

— Как это «так вышло»?! Мы — простые люди, а он кто? У таких, как он, язык без костей, чего только не наплетут! А вы и уши развесили, даже не удосужились разузнать о нём побольше!

Фан У замер. Ему и в голову не приходило наводить справки. Учтывая, что госпожа Мэн всё подробно рассказала, а из-за беды с Даланом он не мог отлучиться из дома, папочка так и не выбрался в город.

— Я думал, сейчас не время, со свадьбой можно не спешить... — начал он под суровым взглядом матери и тут же исправился: — Я схожу в уезд на днях, всё разузнаю.

— И побольше людей расспроси! — отрезала старушка. — У нас ни денег, ни власти, только гээр с непрым характером да сомнительной славой. А у Фана — и дом, и достаток. С чего бы ему на нашего Юй-гээр заглядываться, если за душой у самого нет какого изъяна?

Но в глубине души она подумала:

«А если и впрямь наш парень ему люб... тогда это великое счастье для нашего Юй-гээр. Такого зятя упускать нельзя — хоть силой тащи под венец!»